

УДОВОЛЬСТВИЕ
МОЖНО
ПОЛУЧАТЬ
ПО-РАЗНОМУ

*Дронго увидел, как
убийца сделал
несколько шагов к
нему с зажатым в
руке скальпелем. «Все
напрасно,— подумал
Дронго,— мне не
удалось остановить
его...»*

Чингиз Абдуллаев

Три четверти
его души

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Ангел боли: Три четверти его души

«PEN-клуб»

2004

Абдуллаев Ч. А.

Ангел боли: Три четверти его души / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2004 — (Дронго)

Вот он – неуловимый маньяк, «стаффордский потрошитель», на счету которого десятки замученных женщин. Разыскивая его, сбились с ног лучшие агенты Интерпола, кажется, сам дьявол помогает ему, иначе как объяснить то, что легендарный эксперт-аналитик Дронго попал в лапы этого изувера. Вот он – в двух шагах от Дронго, и в руках его холодно блестит скальпель. Скованный наручниками эксперт беззащитен, но его могучий интеллект, к счастью, в оковы не возьмешь...

© Абдуллаев Ч. А., 2004

© PEN-клуб, 2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Три четверти его души

В одном отношении люди всегда отличаются редким постоянством, отступая от него, лишь когда дело касается мелочей; меняется все: одежда, язык, манеры, понятия о приличии, порою даже вкусы, но человек всегда зол, непоколебим в своих порочных наклонностях и равнодушен к добродетели.

Жан Лабрюйер

Жизнь, как известно, не предопределяется заранее, и все происходящее является лишь цепью случайностей. Но даже те, кто знает эту истину, в какой-то миг своей жизни оборачиваются назад и понимают, что пережитые ими случайности были закономерностью.

Орхан Памук

И настало время Зверя. В начале двадцать первого века в объединенной Европе появился преступник, равного которому еще не знали. Дело было даже не в его преступлениях – в истории древнего континента случались и более страшные, и более чудовищные. Дело было в его беспримерной дерзости и наглom вызове, который он бросил всем полицейским Европы. Совершаемые с особой жестокостью убийства привлекли внимание Интерпола. На поиски преступника были брошены самые проникательные сыщики. Но маньяк вел игру, в которой не было никаких правил, – убийства продолжались.

Тогда вычислить и найти убийцу взялись лучшие аналитики Европы. Вызов приняли англичанин Мишель Доул, француз Дезире Брюлей, из Вашингтона прилетел старший агент ФБР Вирджил Даббс, и, наконец, к ним присоединился Дронго – самый молодой аналитик из всех известных экспертов. Но не успел он прилететь в Рим, как ему позвонил сам «стаффордский потрошитель». Противостояние между ними начиналось в Италии...

Глава 1

Четверо мужчин устроились за обычным канцелярским столом. Тому, кто расположился в кресле, было удобнее всех. Он мог вытянуть ноги и вообще чувствовать себя достаточно комфортно. Остальные трое сидели, поджимая ноги под стулья, так как форма канцелярского стола в полицейском комиссариате Флоренции не была приспособлена для таких посиделок. Кто-то отодвинулся от стола, кто-то повернулся к нему боком. Но суть была не в этом. Мужчинам предстояло сделать трудный выбор...

Несколько часов назад дождливой ночью на трассе Болонья – Верона погиб сообщник убийцы Тимоти Хопкинс: его автомобиль перевернулся и вылетел в овраг. Тщательно разработанный план поимки преступника сорвался. На трассе, перекрыв ее, автомобиль Хопкинса ждали сотрудники полиции. Но в эту холодную весну на Апеннинах выпало много снега, и шоссе Болонья – Падуа временно закрыли для проезда. Преступник воспользовался другой дорогой, которая стала для него роковой.

Лица мужчин, сидящих за столом, выражали крайнюю степень усталости и разочарования. Все понимали, что времени у них почти нет. Сейчас, в пятом часу утра, им предстояло определиться с планом действий на сегодняшний день. Убийца, который в последнее время так ловко от них ускользал, пожелал встретиться с офицером полиции Луизой Фелачи, назначив ей свидание в Венеции. Отчасти в этом были виноваты и сами эксперты. Они сознательно провоцировали маньяка, рассчитывая, что он обнаружит себя или в Риме, или во Флоренции. Но он оказался хитрее и опаснее, чем они полагали. И вот теперь выразил желание увидеться с офицером полиции на площади Святого Марка, в этой «самой большой гостиной Европы», как называл ее Наполеон Бонапарт, где в постоянно многочисленной толпе туристов практически невозможно организовать засаду.

Все понимали, как опасно и неразумно подставлять молодую женщину. Но одновременно каждый сознавал, что сейчас – это единственный шанс попытаться вычислить и поймать преступника.

Комиссар Террачини, мрачный, постаревший, с воспаленными, красными от бессонницы глазами и серым обмякшим лицом, непрерывно курил, и пепельница, стоящая перед ним, уже давно была переполнена окурками. Восседавая во главе стола, формально он руководил операцией, хотя после чувствительных поражений в Риме и во Флоренции не хотел и не мог принимать решения самостоятельно. Казалось, автомобильная авария с Хопкинсом стала последним ударом по его самолюбию.

Рядом с ним дымил трубкой комиссар Дезире Брюлей. Его лицо, словно высеченное из камня, выглядело мрачной маской, которую он забыл снять. Брюлей, сознавая, как тяжело его итальянскому коллеге, не собирался подсказывать Террачини, какое решение ему нужно принять. Однако и чего-то ждать у них тоже не было возможности. Через час-полтора начнет светать, а им еще предстоит перебраться в Венецию, где должен быть сыгран следующий акт этой затянувшейся трагедии. Напротив Террачини расположился Вирджил Даббс, сотрудник ФБР, прибывший для координации действий его службы с Интерполом. Афроамериканец Даббс считался прекрасным аналитиком, на его счету были десятки разоблаченных серийных убийц и маньяков. Однако с такими преступлениями, расследованием которых они сейчас занимались, ему еще не приходилось сталкиваться ни в Америке, ни в Европе. Кроме того, он отдавал себе отчет, что начатая по его предложению игра оказалась слишком опасной. Офицер полиции Фелачи в полном смысле этого слова рисковала жизнью. Поэтому, глядя на Террачини, он молчал, предоставив итальянцу право решать за всех.

И наконец, четвертым в этой комнате и за этим столом был Дронго – сорокапятилетний мужчина высокого роста, лысоватый, обладавший запоминающейся внешностью, с большим

лбом, темными пронизательными глазами, волевым подбородком. О его пристрастиях знала вся Европа, о его аналитических способностях ходили легенды. Несколько лет назад в Лондоне он был торжественно принят в клуб самых известных сыщиков современности, но, несмотря на это, считал своими учителями комиссара Дезире Брюлея, частного детектива Мишеля Доула и уехавшего в данный момент в Египет Фредерика Миллера. Очевидно, умение признавать авторитет других – одна из важнейших составляющих человеческого разума вообще и профессиональной корпоративной этики в частности.

Четверо мужчин, казалось, уже со всех сторон обсудили предстоящую встречу Фелачи с неизвестным убийцей, понимая и ее важность, и опасность. Однако было еще одно обстоятельство, о котором все знали, но старались не упоминать в своих рассуждениях. Луиза Фелачи нравилась одному из них. И его увлечение оказалось взаимным. Более того, мужчина и женщина, несмотря на напряженную обстановку последних дней, смогли несколько раз встретиться.

Этим мужчиной был Дронго. Остальные трое, сидящие сейчас с ним за одним столом, представляли, как ему тяжело согласиться на встречу Луизы Фелачи с убийцей. Но все слова уже были сказаны. Часы показывали около пяти утра.

– Итак, мы должны решить, – произнес Террачини и с ненавистью раздавил в пепельнице очередной окурочек.

– Не люблю это делать за других, – мрачно признался Брюлей. – Мне всегда легче, когда решение принимают сами сотрудники.

– Она уже сказала нам о своем желании, – напомнил Даббс.

Дронго подумал, что американцы в таких вопросах бывают бесчувственными. Или они меньше, чем европейцы, ценят человеческую жизнь? Нет. Конечно, нет. Просто они привыкли уважать профессионалов. Если офицер полиции Луиза Фелачи заявила, что она готова пойти на встречу, значит, она приняла ответственное решение и теперь сама за него отвечает. Даббс с самого начала считал, что убийцу нужно заманить в ловушку, подставив ему возможную жертву. Дронго молчал. Он помнил свою стычку с Луизой накануне и не хотел ничего говорить. Но решение нужно было принимать без промедления, чтобы успеть расставить переодетых офицеров полиции вокруг площади.

– Звонил комиссар Модзони из Венеции, – сообщил Террачини. – Сказал, что они готовы к встрече. Вокруг площади будут дежурить переодетые сотрудники полиции. Они оцепят весь остров, перекроют все мосты. Некоторых гондольеров заменят наши люди. Ни одна лодка не пройдет незамеченной. Сверху ситуацию будут контролировать вертолеты. Карabinieri и жандармы уже отработали с нами совместные действия. Если убийца рискнет появиться на площади, мы его возьмем.

Даббс хотел что-то спросить, но воздержался, наткнувшись на тяжелый взгляд Дронго.

– А если мы опять ошибаемся? – негромко произнес Дронго, словно разговаривал сам с собой. – Если он снова придумал какой-то трюк, который мы не учитываем? Тогда у нас будет еще один труп молодой женщины, которую мы сами подставили.

– Право выбора за ней, – возразил Даббс, – в конце концов, она офицер полиции, а не девочка, которую мы посылаем на встречу с убийцей.

– Она молодая женщина, Вирджил, – возразил Дронго, обращаясь к коллеге по имени. – Если она умрет, я никогда не прощу себе этого. Никогда. Действительно, Фелачи – офицер полиции, но в схватке с монстром, который, не дрогнув, убил столько людей, она заведомо обречена. У нее нет опыта общения с такими крупными хищниками.

– Тогда давайте отменим эту операцию, – разочарованно предложил Даббс, – и просто оцепим всю площадь.

– Это ничего не даст, – вмешался Брюлей. – Как мы его будем искать? Спрашивать всех, кто говорит по-английски? Сейчас вся Европа говорит по-английски...

– Кроме французов, – невесело заметил Дронго. – Они понимают язык, но не хотят на нем говорить...

– Да, кроме французов, – подтвердил Брюлей. – Так как же мы его вычислим? Он сразу догадается, что мы решили отменить встречу, и уйдет еще до того, как мы начнем проверку.

– У нас не осталось времени, – глянул на часы Террачини. – Через час вылет в Венецию. Нужно решать. Тянуть дальше нельзя. Как вы считаете, мистер Даббс, что нам делать? Мы должны согласиться на эту встречу? – Он намеренно сначала обратился к американскому эксперту, зная его ответ.

– Да, – не раздумывая, ответил Даббс, – это наш последний шанс.

– Спасибо. А как думаете вы, коллега? – повернулся Террачини к Брюлею, чтобы оставить Дронго в полном одиночестве.

Но, к удивлению комиссара, Брюлей оказался не столь категоричен, как Даббс.

– Не знаю, – ответил он. – Мне кажется, эта встреча очень опасна для вашего офицера. Террачини растерялся, но все же посмотрел на Дронго.

– А вы против? – спросил он, не сомневаясь в этом.

– Нет, – ошарашил его Дронго. – Я считаю, что встреча обязательно должна состояться. Но с одним нюансом. Я хотел бы рассказать вам мой план... – И он изложил его – секунд за сорок или сорок пять.

Когда Дронго закончил, Даббс усмехнулся:

– У нас, в Америке, с вашим вариантом никто не согласился бы. Никогда. Это дискриминация...

– Так будет лучше, – поддержал Дронго Брюлей, – хотя тоже очень опасно.

Террачини молчал. Просто смотрел на Дронго и молчал. Наконец выдавил:

– Очень интересное предложение. Но офицер Фелачи может не пойти на такое. У нас, конечно, не Америка, однако некоторые общие правила...

– А вы всегда спрашиваете мнение подчиненных? – зло поинтересовался Дронго. – Или, может, на этот раз сами примете решение? – Он хотел еще что-то добавить, но, увидев укоризненный взгляд Брюлея, замолчал.

Террачини достал новую сигарету.

– Мне так же сложно, как и вам, – пробормотал он, – и если вы думаете, что я с удовольствием отпускаю моих людей на такие встречи, то ошибаетесь. Я вообще не люблю терять моих офицеров. Хуже этого ничего нет. Пусть меня уволят на пенсию или вообще оставят без пенсии, только я не хочу подвергать человека такой опасности, синьор Дронго. – Последнюю фразу он произнес по-итальянски, зная, что собеседник его поймет.

– Извините, – пробормотал Дронго, – только я думаю, что и меня можно понять.

– Вы с ней спали... – Террачини не спросил, это было утверждение.

– Я должен был получить разрешение в вашем Министерстве внутренних дел? – отреагировал Дронго.

– Нет. Конечно нет. Вы ей нравитесь, я это знаю. Она спрашивала про вас еще до того, как вы здесь появились...

Дронго молчал. Конечно, Луиза Фелачи должна была знать о его приезде в Италию. Если об этом сумел узнать даже убийца, то ей наверняка было известно. И поэтому еще в Риме, на лестнице, сразу его узнала. А он поверил в ее сказку о парфюме.

– Я бы пошел на свидание вместо нее, – в сердцах произнес Дронго.

Террачини фыркнул. Брюлей улыбнулся. Даббс громко расхохотался.

– Не получится, – развеселился он. – В тебя трудно влюбиться гетеросексуальному мужчине. Да и поднять тебя с твоим ростом и твоими плечами он не сможет... Ты бы еще Тайсона вместо себя послал...

– Между прочим, Тайсон уже не в той форме. А я имел в виду другое, – попытался объяснить Дронго, но Брюлей перебил его.

– Хватит, – сказал он, – давайте обсуждать наш план. Предложение Дронго лично мне кажется наиболее разумным. Нужно получить подробную карту площади и посмотреть, как и куда будет двигаться офицер Фелачи. А заодно и еще раз продумать систему ее защиты. – Он взглянул на Дронго и понял, что тот опять с ним не согласен. – Что еще? – поинтересовался Брюлей. – У тебя опять возражение?

– Ведь он не дурак, – попытался объяснить Дронго. – Неужели не понимает, что мы поднимем вертолеты, пустим водолазов, возьмем под контроль все лодки и гондолы. Неужели надеется уйти после этой встречи? Хотел бы я знать, куда он денется? И почему решил так рискнуть?

– Вот и узнаем, – твердо произнес Дезире Брюлей. – Может, он хочет, чтобы его остановили. Такие типы существуют. Один из моих помощников называл их «полуночными неврастениками». Они действуют как лунатики, не отдавая себе отчета в своих действиях, а затем переживают. Некоторые даже связывают себя на ночь, чтобы остановить свои бесконтрольные действия. Может, он из таких. Убийца, который не в силах самостоятельно остановиться. Ведь по существу его действий он настоящий маньяк.

– А по мне, он расчетливый негодяй, – вмешался Террачини.

– Вот видите, – подхватил Дронго, – значит, он сумел все рассчитать лучше нас. Может, нам вообще отказаться от этой встречи?

– И искать его потом по всей Европе? – отреагировал Даббс. – Или ждать, пока он снова о себе заявит, убив очередную жертву?

Террачини потушил сигарету и медленно поднялся.

– Поехали, – предложил он, – нам еще целый час лететь. В пути все и обсудим. У нас еще есть время.

Дронго вышел в коридор последним. У двери стояла Луиза и о чем-то беседовала с Маурицио. Оба молодых офицера были в штатском. Увидев Дронго, Маурицио поздоровался с ним, а она отвернулась. Словно слышала все, о чем они говорили минуту назад в кабинете.

Глава 2

Каждый раз, приезжая в Венецию, Дронго испытывал необъяснимое чувство печали. Словно уходящий в воду город напоминал о бренности всего сущего, о неизбежности энтропии, поглощающей все живое. Проезжая по каналам города, он пытался понять состояние людей, живущих на воде и среди воды. Выросший у моря, Дронго не боялся массы воды, инертной по своей природе, но город, построенный на воде, вызывал у него сложные ассоциации. И если Ленинград будил чувство восторга, Амстердам – любопытство, то Венеция навевала легкую грусть.

Может, потому, что здесь нашел свой последний приют Иосиф Бродский – один из самых любимых его поэтов? В этом символическом жесте гениального поэта – пожелании быть похороненным в Венеции – очевидно, выразилось и его отношение к бывшей Родине. Перенесенные унижения, судебный приговор за «тунеядство», отсутствие должного признания – все это сказалось потом в его решении не возвращаться на Васильевский остров. И завещание Бродского похоронить его тело в Венеции, так напоминавшей ему родной город, стало некой точкой, завершившей земное существование бунтаря и одиночки.

Дронго подумал, что жизнь гениальных людей не бывает легкой, как сложна и история городов, ставших символами развития цивилизаций.

Первые упоминания о Венеции относятся к V веку, когда в 421 году часть прибрежного населения, спасаясь от нашествия гуннов, переселилась на острова. Через сто с лишним лет Венецию заняли войска Византии, а еще через полтора века в городе избрали первого дожа. Стоит особо отметить, что дож избирался пожизненно, но эта должность не была наследственной. Таким образом Венецианская аристократическая республика счастливо избежала пороков наследственных монархий, когда на троне нередко оказывались слабые правители, не способные принимать решения, либо, что еще хуже, никчемные личности, находящиеся под влиянием своих фаворитов и фавориток.

Внешним выражением фактически обретенной самостоятельности стал тот момент, когда Венеция приобрела собственного святого покровителя – евангелиста Марка. Венецианские купцы похитили в Египте его мощи и, забросав их свинными тушами, чтобы скрыть от мусульманских стражей, привезли в свой город, где вскоре началось строительство собора Святого Марка. Отныне крылатый лев – символ святого Марка – навсегда сделался и символом Венеции.

В XII–XIII веках Венецианская республика стала очень богатой, но подлинный ее расцвет наступил во время Четвертого крестового похода, организованного на деньги венецианцев. Под руководством великого дожа Энрико Дандоло они повернули на христианский Константинополь, чтобы сокрушить своих единоверцев и торговых конкурентов.

Византия так и не оправилась от этого удара и через двести пятьдесят лет пала под ударами турков-османов. А Венеция за это время выдвинулась в ряды первых мировых держав.

Еще целых триста лет она играла важную роль в европейской политике. Но все постепенно меняется. Новые торговые пути в Индию вокруг Африки, открытие Америки, могущество австрийских Габсбургов и усиление Франции работали против Венецианской республики. В 1718 году Австрия и Турция вынудили ее отказаться от своих территорий и колоний в Европе, а в конце XVIII века Венецию завоевал Наполеон и передал ее по договору австрийским Габсбургам.

Еще несколько раз Венеция переходила из рук в руки, пока в 1866 году не вошла окончательно в состав нарождающегося Итальянского королевства. Уникальная республика, существовавшая тысячу сто лет, во главе которой стояли сто двадцать дождей, ушла в историю, а Венеция стала городом новой Италии. Но и в новой стране, в которой сосредоточено больше

половины всего культурного наследия человечества, Венеция занимает особое место. Ежегодно ее посещают миллионы туристов, она входит в традиционный туристический маршрут Апеннинского полуострова наравне с Римом, Миланом, Флоренцией.

Дронго вспоминал историю Венеции, пока они ехали по мосту, соединяющему город с материком. В автобусе кроме них, прилетевших из Флоренции, находился комиссар Модзони, отвечавший за операцию в Венеции, – сорокалетний худощавый мужчина высокого роста. У него были темные, пронизательные, глубоко посаженные глаза, тонкие губы и красивые, густые, искусно уложенные волосы, очевидно, он успевал посещать парикмахера. На его подбородке виднелся шрам, придающий ему особенно мужественный вид. Сидя рядом с помощником, который вел автобус, Модзони подробно излагал свой план. Все приехавшие слушали не перебивая. На первом сиденье разместились Террачини и Брюлей. На втором – Дронго и Даббс. На заднем сидели Луиза и ее напарник, офицер полиции Маурицио. Когда все селись в автобус, Дронго хотел оказаться рядом с молодой женщиной, но она демонстративно протиснулась на заднее сиденье, устроившись возле Маурицио. Луиза явно знала, что Дронго против ее участия в операции, но была не согласна с ним. А может, просто не хотела лишний раз демонстрировать их близость. Несмотря на свободные нравы современной итальянской молодежи, несмотря на все усилия феминисток, Италия все еще остается страной с крепкими семейными традициями, устои которых не смогли расшатать новые веяния единой Европы. И молодая женщина, пусть она даже офицер полиции, не могла столь явно афишировать свои отношения с приехавшим иностранцем.

В это раннее утро почти не было машин. В Венеции туристы обычно появляются после девяти утра. Многие из них предпочитают ночевать на континенте, поскольку это гораздо дешевле. Гостиницы в Венеции стоят на порядок дороже, чем в Риме или в Милане, а рестораны предлагают меню по ценам московских ресторанов, которые, как известно, считаются самыми дорогими в Европе.

– Мы доедем до вокзала, – пояснил Модзони, – там нас ждет лодка. А площадь оцеплена, и с двух сторон будет вестись съемка. Правда, я не уверен, что он появится, потому что просто не сможет оттуда уйти. Здесь не Флоренция и не Рим. Вода со всех сторон. Он не может превратиться в невидимку. Всех гондольеров мы предупредили.

– Он не мог с кем-нибудь договориться? – вмешался Даббс. – Или выдать себя за гондольера?

– Нет, – улыбнулся Модзони, – мы знаем всех в лицо. Эта профессия в нашем городе чрезвычайно уважаемая и передается по наследству от отца к сыну. Нельзя просто так стать гондольером в Венеции. Для этого нужно много лет учиться. Все они, кто сегодня будет у площади, знают друг друга в лицо. Убийца не мог ни с кем договориться и не сможет каким-то образом сбежать. Я думаю, что он просто блефует. На самом деле даже не посмеет появиться в нашем городе.

– А если посмеет? – угрюмо спросил Дронго, чувствуя за спиной взгляд Луизы. – А что, если он снова придумал какой-то трюк, который мы не можем учесть? Он умеет думать, синьор Модзони. Это не обычный убийца.

Модзони нахмурился.

– Посмотрим, – пробормотал он. – В нашем городе мы не дадим ему развернуться. А если он посмеет здесь появиться, то мы его возьмем. У него нет ни одного шанса. Ни единого.

Дронго все еще чувствовал на своем затылке взгляд Луизы, но больше ничего не сказал.

Машина подъехала к вокзалу, где двое сотрудников полиции в штатском уже ждали их на небольшом катере, закрытом со всех сторон. Все перебрались на катер, при этом Модзони, когда Луиза перешагивала через борт, деликатно предложил ей руку.

Большой канал Венеции имеет форму несколько повернутой латинской буквы S. Под лучами восходящего солнца они двигались по направлению к главной площади города. Луиза

стояла на борту, повернувшись спиной ко всем остальным. Дронго решил, что пора подойти к ней. Сейчас не время для мелких обид. И он подошел. Она взглянула на него и снова отвернулась.

– Я хочу с тобой поговорить, – тихо сказал Дронго.

– Ты говорил, что хочешь со мной поговорить, а потом принял решение, не спросив моего мнения, – напомнила она.

– Да, – сразу согласился он, – я не прав. Можешь считать, что я чудовищно не прав. Можешь на меня обижаться. Можешь делать все что угодно. Но я не хочу, чтобы ты с ним встречалась. Если он придумал эту встречу, значит, уверен в своих возможностях. Этот мерзавец уже обманул нас несколько раз. Неужели ты ничего не понимаешь?

– По-моему, это ты ничего не хочешь понять, – отозвалась Луиза. – Я офицер полиции, а не студентка, которая никогда не видела крови. Он не сможет забрать меня с собой на глазах у стольких людей. И ничего мне не сделает. Ему достаточно подойти ко мне на расстояние протянутой руки, как его схватят. Но ты предложил свой план.

Катер был небольшой, все остальные стояли буквально в метре от них. Дронго оглянулся и подумал, что все слышат их разговор. Впрочем, это было не так важно.

– Ты имеешь право со мной не соглашаться, – очень тихо произнес он, чтобы его услышала только Луиза. – Я предложил мой вариант, и остальные его поддержали.

Она посмотрела ему в глаза.

– Ты мне нравился, – проговорила Луиза, словно прощаясь с ним.

– Ты мне тоже, – ответил Дронго.

Она отошла от него. Дронго подумал, что в этой поездке было слишком много личного. Может, напрасно он позволил себе так увлечься этой молодой женщиной? Или нет? Как бы он поступил, если бы на ее месте оказалась другая женщина, ему безразличная? Как поступил бы? Также предложил бы свой план? Занятый своими мыслями, он не заметил, как к нему подошел комиссар Брюлей.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сообщил он. – У меня был похожий случай. У каждого из нас в жизни бывают похожие случаи, после которых мы долго мучаем себя вопросом – правильно ли мы поступили?

– И как вы ответили на этот вопрос? – поинтересовался Дронго.

– Я до сих пор не знаю на него ответа, – признался Брюлей.

До назначенного времени оставалось около шести часов. Но нужно было прибыть на площадь, осмотреться там, проверить расстановку людей и попытаться представить возможное поведение убийцы. У моста Риальто они пересели в две небольшие моторные лодки, чтобы по узким каналам, окруженным со всех сторон домами, подобраться к площади Святого Марка. Недалеко от нее лодки остановились, и оставшийся путь они прошли пешком.

Собор Святого Марка, построенный в виде гигантской буквы «П», как бы защищает соборную площадь со всех сторон. Слева от него находится башня Часов, справа – библиотека и Дворец дождей. Это величественный комплекс зданий, в которых когда-то жили венецианские чиновники. На площади несколько известных кафе, первое из которых открылось еще в 1683 году. Под аркадами в зданиях много ювелирных и сувенирных лавочек. После девяти утра на площади всегда было полно народа. Очевидно, преступник учел и это обстоятельство.

Поднявшись по узкой деревянной лестнице на второй этаж, они прошли во временный штаб, откуда можно было наблюдать за площадью. Здесь уже находилось несколько сотрудников полиции. Модзони предложил всем сесть, затем развернул подробную карту площади и ее окрестностей. Пока он говорил, Дронго смотрел в окно. Отсюда хорошо была видна пока еще пустая площадь. Голуби постепенно садились на ее мошениую мостовую, чувствуя себя здесь достаточно вольготно.

– Когда открывается собор? – поинтересовался Дронго у сидящего рядом Террачини.

– Обычно в половине десятого, – услышав его вопрос, ответил Модзони, – но в это время года чуть позже, примерно в девять сорок пять. В соборе будут наши сотрудники. Один из священников должен дежурить у входа, чтобы убийца не мог пройти под видом священника или монаха. – И Модзони продолжил чертить свои схемы, показывая, кто и где будет находиться и каким образом продумана блокировка всей площади.

В общей сложности в операции должны были участвовать более двухсот сотрудников полиции. С другой стороны площади были установлены видеокамеры, чтобы заснять все, что на ней произойдет.

Когда через час принесли кофе, Дронго почувствовал, что сильно проголодался. Завтрак пришлось заказать в ресторане, находящемся далеко от площади, чтобы не привлечь излишнего внимания. На площади к этому моменту уже появилось несколько сотрудников полиции. Один кормил голубей, двое других, одетых продавцами, «торговали» сувенирами. Еще в нескольких лавках находились наблюдатели. Все ждали условленного времени.

В десять утра в штаб позвонили из Болоньи. Тамошние сотрудники полиции выяснили, что за несколько минут до аварии погибшему Хопкинсу кто-то звонил. Удалось также установить, что оба телефонных аппарата, по которым они говорили, в тот же день были проданы Хопкинсу. Стало ясно, что второй мобильник принадлежал его сообщнику. Предположение, что в лице Хопкинса убийца имел сообщника-вуайериста, таким образом, подтверждалось. По предложению Даббса было решено подключить специальную аппаратуру, чтобы выяснить, где может находиться хозяин второго аппарата. Дилетанты полагают, что, отключив свой сотовый телефон, они отрезают себя от возможных наблюдений. На самом деле его достаточно легко отследить. Именно такая техника и была задействована, чтобы узнать, где находится позвонивший Хопкинсу его сообщник. Еще через сорок минут пришло ошеломляющее известие. Отключенный телефонный аппарат оказался в Венеции. Теперь уже не осталось никаких сомнений, что убийца в городе.

Напряжение нарастало. На площади появилось уже немало народа, несмотря на холодный мартовский день. Группы туристов толпились перед собором.

– Он знает, что мы здесь, – сказал Дронго, глядя вниз. – Вы напрасно убрали всех сотрудников полиции, – обратился он к Модзони, – несколько человек в форме нужно было бы оставить, а то это выглядит как-то подозрительно. Он не дурак и очень хитер, иначе вызвал бы синьору Фелачи другим образом, не приглашая ее на свидание через нас. И ведь не побоялся приехать в Венецию... У вас есть снайперы?

– Есть, – ответил Модзони, подходя к окну, – пятеро. Они на крышах. Если он попытается откуда-нибудь выстрелить, мы его сразу заметим. Все возможные места для стрельбы закрыты или взяты под наблюдение. Вертолеты рядом. Они будут следить за всеми перемещениями.

– Ты нервничаешь, – тихо заметил Брюлей, подойдя к Дронго.

– Да, – признался тот. – Но ведь он понимает, что мы его будем ждать. Почему же идет на такой риск? Почему?

– Этого мы не знаем, – ответил Брюлей, – но возможно, что сегодня узнаем. Только не нужно так дергаться, все должно пройти нормально.

Миновал еще час. Дронго казалось, что время движется очень медленно. Он вспомнил, что еще в молодости зарекся обижаться на время, поражаясь тогда его скоротечности. Тогда ему представлялось, что секундная стрелка бежит слишком быстро, а ведь средняя человеческая жизнь, измеряемая всего двадцатью или двадцатью пятью тысячами дней, – краткое мгновение, из которого надо вычесть сон, воспоминания, ненужное времяпрепровождение... На подлинную жизнь остается совсем мало. Именно поэтому он старался растянуть каждый час, каждую минуту своего существования. Но сейчас время будто остановилось, секундная стрелка ползла еле-еле. В какой-то момент Дронго даже подумал, что его часы испортились.

За десять минут до назначенного времени в конце площади появилась Луиза Фелачи. Ее сопровождал Маурицио. Оба сотрудника полиции не торопясь двигались по направлению к собору.

– Внимание, – громко произнес Модзони, взяв передатчик. – Начинаем работать. Они уже на площади.

Дронго поднялся в очередной раз и подошел к окну. Стекла были достаточно темные – с площади его не могли увидеть. Он почувствовал, что от волнения у него задергалась левая щека. «Что же придумает убийца на этот раз?» – с тревогой подумал Дронго.

Глава 3

Площадь Святого Марка в длину более ста пятидесяти метров, а в ширину – чуть больше восьмидесяти. В летние месяцы она плотно забита толпами туристов. Зимой их несколько меньше, хотя Венеция привлекает гостей во все времена года. Когда на площади появились Луиза Фелачи со своим спутником, Дронго показалось, что все вокруг словно замерло. Они двигались от музея Коррера, находящегося в основании буквы «П», по направлению к собору Святого Марка.

Дронго, нахмурившись, смотрел вниз. Брюлей, достав трубку, стоял рядом с ним. Террачини, обнаружив, что у него закончились сигареты, попросил одну у Модзони. Тот покачал головой – молодой комиссар не курил. Кто-то из сотрудников полиции, находящихся в комнате, протянул Террачини пачку сигарет. Тот благодарно кивнул и, достав сигарету, закурил.

– Внимание, – прозвучал голос Модзони, – к ним кто-то подходит. Будьте внимательны.

По направлению к появившимся на площади офицерам полиции двигался полный мужчина лет пятидесяти в темной спортивной куртке и темно-красной кепке. «Слишком яркая», – отметил Дронго.

Незнакомец шел неторопливо, но его целью явно были Луиза и Маурицио. Модзони еще раз предупредил, чтобы оперативные сотрудники, готовые вмешаться в любую секунду, держались рядом с ними. Даже переодетый торговец сувенирами, стоящий неподалеку от места встречи, теперь смотрел в сторону подошедшего незнакомца, не отвечая на настойчивые вопросы американки, пожелавшей у него что-то купить.

Маурицио смело шагнул вперед, заслоняя свою спутницу, положив руку в карман своего длинного плаща. Под его плащом был надет бронежилет, на случай если убийца вдруг начнет стрелять.

– Что вам нужно? – невежливо поинтересовался Маурицио.

Незнакомец смутился и остановился.

– Извините, – пробормотал он по-английски, – я хотел узнать, как проехать на Лидо. Вы итальянцы? Вы говорите по-английски?

– Да, – кивнул Маурицио, – дойдите до собора и поверните направо, мимо Дворца дождей. Оттуда увидите причал. Там есть гондолы, чуть дальше стоят вапоретто и мотоскафо.

– Я вас не понял, – отозвался мужчина, – а что такое вапоретто?

– Речной трамвай, – улыбнулся Маурицио, – его так называют на всех языках. А мотоскафо – это небольшая моторная лодка. Можно также взять такси, но это очень дорого. А можно доехать на трагетто – это паром, который идет на Лидо.

– Спасибо, – обрадовался незнакомец и, кивнув обоим, поспешил в сторону, указанную Маурицио.

Их разговор слышали все присутствующие в штабе. У Маурицио под плащом был передатчик.

– Это не он, – ровным голосом прокомментировал Модзони. – Роберто, проводи этого господина до причала и поезжай с ним на Лидо. Возможно, он специально подошел к ним. Будь осторожен, у него может оказаться сообщник.

Дронго взглянул на Брюлея и прочел в его глазах подтверждение своей версии. Было ясно, что такой колоритный тип не может быть ни убийцей, ни его сообщником. Он слишком явно бросался в глаза любому наблюдателю. К тому же его красная кепка...

Они продолжили наблюдать. Луиза и Маурицио прошли мимо первого торговца сувенирами. Тот, ответив наконец американской гостье, напряженно следил за ними. Из разных точек на эту пару сейчас точно так же смотрели десятки пар глаз. С крыш все происходящее на площади видели сосредоточенные снайперы через прицелы своих винтовок.

Сто семьдесят пять метров – это примерно триста шагов. Столько их надо было сделать, чтобы дойти до собора. Учитывая неторопливый шаг Маурицио и Луизы, на это требовалось примерно шесть-семь минут.

– С правой стороны появился подозрительный тип. Ему лет тридцать, небритый, в джинсах и в куртке, – передал один из сотрудников полиции.

– Это негр, – заметил другой, – он нам не подходит.

– Почему? – удивился Модзони, оглянувшись на остальных и с трудом сдерживая улыбку.

– У нас ориентировка на белого, – пояснил офицер.

– Необязательно, – заметил Модзони, – вы должны обеспечить охрану от любых подозрительных лиц. Не обращайте внимания на цвет кожи, главное, чтобы он не смог подойти к нашим людям.

– Я понял, синьор комиссар, – ответил сконфуженный офицер.

– Вы дали им приблизительное описание маньяка? – поинтересовался Даббс.

– Не мы, – отозвался Модзони, – это вы передали нам его приблизительные приметы. Внимание, еще одна справа. Нет, этот прошел мимо. Посмотрите еще раз, со стороны собора движутся две группы туристов. Будьте внимательны. Посоветуйте Маурицио обойти эти группы людей. Предложите ему сместиться в левую сторону.

– С левой стороны находится кафе, синьор комиссар, – напомнил другой офицер.

– Вижу, – сердито буркнул Модзони, – пусть прижмутся к столикам. Или даже сядут за один из них. Только пусть не смешиваются с толпой, это может быть опасно.

Сразу несколько человек шли в сторону Маурицио и Луизы. Среди них несколько молодых людей. Дронго прильнул к стеклу, словно почувствовав, что именно сейчас может случиться нечто ужасное. Молодые люди смеялись, проходя мимо. В руке одного из них было несколько воздушных шаров. Неожиданно он выпустил их, и они полетели над площадью. Внимание многих людей, в том числе и сотрудников полиции, автоматически переключилось на эти шары. Даже многие снайперы проводили их в небо скользящими взглядами. И в этот момент кто-то из толпы оказался слишком близко к Маурицио. Он ощутил толчок, отвлекся, снова посмотрел по сторонам и вдруг почувствовал, как на него что-то наваливается. Сначала Маурицио даже не понял, что произошло. И лишь через мгновение осознал, что на него валится его напарница. Он опять оглянулся по сторонам, словно ожидая повторного нападения, и только после этого крикнул. Крикнул первое, что пришло ему в голову:

– Держите его!..

Призыв получился не очень убедительным, но его услышали сразу пятеро сотрудников полиции, находящихся рядом. Они ринулись к нему со всех сторон.

– Помогите мне, – уже более уверенно и громко произнес Маурицио, чувствуя, что обмякшее тело выкальзывает у него из рук.

Модзони все слышал и увидел, как Маурицио пытается удержать тело своей напарницы.

– Черт возьми, – пробормотал он, – что там происходит?

– Он оказался рядом с ними, – откликнулся первым Брюлей.

Дронго, прильнув к стеклу, смотрел на людей, все еще окружавших Маурицио и его спутницу. Затем к ним подбежали несколько переодетых сотрудников полиции. И вдруг один молодой человек рванул в противоположную от собора сторону.

– Держите его! – невольно перешел на крик Модзони.

Сразу шесть или восемь полицейских, переодетых в штатское, бросились за убегающим. И в этот момент совсем в другую сторону рванул еще один молодой человек.

– Что происходит? – растерялся Террачини. – Или здесь целый заговор? Откуда у него столько сообщников?

– Не дайте ему уйти! – уже потеряв всякое терпение, рявкнул Модзони. – Берите и его! Если понадобится – стреляйте.

Дронго повернулся и побежал вниз.

– Вернитесь! – услышал он за спиной голос Террачини.

Но кто-то уже побежал следом за ним. Кажется, Вирджил Даббс. И еще один офицер полиции.

Они выбежали на улицу. Дронго сразу повернул в ту сторону, куда побежал первый из парней. Его уже повалили четверо офицеров полиции, обыскивая, надевая наручники. Второй, не оглядываясь, еще бежал в сторону колокольни, возвышающейся в правом углу площади. Около нее увернулся от офицера полиции, выбежавшего ему навстречу, бросился к библиотеке.

Дронго подбежал к Маурицио, который пытался оказать первую помощь своей напарнице. Он делал ей искусственное дыхание, массаж сердца, проверял пульс. Все безрезультатно. Стоящие рядом сотрудники полиции уже понимали, что спасти коллегу ему не удастся, виновато отводили глаза.

Дронго, глянув на Маурицио, повернулся к людям, столпившимся вокруг. Он был уверен, что убийца здесь, среди них – его можно вычислить, можно найти. Он заглядывал в глаза людям, словно надеясь, что убийца отведет взгляд, дрогнет, испугается, не выдержит. Тогда останется его только взять.

Второго беглеца поймали почти у причала. Выбравшиеся из своих лодок гондольеры организовали своеобразную живую сеть, мимо которой он не мог проскочить. Разгневанные гондольеры успели надавать ему тумаков, прежде чем полицейские вырвали парня из их рук. Гондольеры не знали, что именно натворил этот несчастный, но им было известно, что полиция ищет убийцу молодых женщин. А таких преступников не любят нигде, тем более в Италии, где понятие мужской чести развито необычайно. И хотя парень громко кричал по-итальянски, что ни в чем не виноват, никто не хотел его слушать. Полицейские надели на него наручники, повели к комиссару Модзони.

Дронго метался по площади, не успокаиваясь. По приказу Модзони площадь перекрыли со всех сторон, начали поголовную проверку документов. Комиссар наконец понял то, что сразу поняли Дронго и Дезире Брюлей: убийца находился на площади, но все точно рассчитал и, воспользовавшись суматохой, наверняка исчез почти сразу после того, как Маурицио закричал.

К Модзони, уже тоже оказавшемуся на площади, подвели первого парня. Тот заметно нервничал, но старался держаться спокойно.

– Кто ты такой? – спросил его по-итальянски комиссар.

– Не понимаю, – ответил молодой человек по-французски. – Я из Марсея. Я плохо говорю по-итальянски.

– Ты француз? – уточнил на французском подошедший Брюлей.

– Да.

– Почему ты побежал?

– Здесь разве нельзя бегать? – улыбнулся молодой человек.

– Отвечай на вопрос, – разозлился Модзони, тоже переходя на французский. В двадцать первом веке любой комиссар полиции города, принимающего миллионы туристов в год, должен знать как минимум несколько европейских языков.

– Мне заплатили, вот я и побежал, – пояснил парень. У него было красивое, мужественное лицо. – А почему на меня надели наручники? И кто вы такие?

Привели второго парня, толкая его в спину. На его лице виднелись следы работы гондольеров, губы были разбиты в кровь.

– Это не они, – в сердцах произнес Брюлей. – Это – обычные хулиганы, которые очень вовремя подсустились. Видимо, он им заплатил, чтобы они побежали в разные стороны. А сам воспользовался ситуацией...

Подошел запыхавшийся Террачини. Глянув безумными глазами на Дронго, наклонился к Маурицио, все еще пытавшемуся что-то сделать с напарником. Террачини терпеливо подождал, наблюдая за его действиями. Наконец Маурицио поднялся и безнадежно махнул рукой. Тогда Террачини обернулся к стоявшему рядом Дронго. Выражение его лица не оставляло сомнений – он был в гневе.

– Это вы! – закричал Террачини, показывая на Даббса и Дронго. – Это все ваши придумки. И вот в итоге мы получили еще одного убитого офицера.

Брюлей подошел к нему и, взяв его за руку, увел с площади, понимая – публичные разборки лучше проводить не в таком людном месте. Модзони приказал поднять обоих беглецов в импровизированный штаб, чтобы их допросить. На площади продолжали проверять документы у всех туристов, переписывая их имена. Но все понимали, что убийца уже, скорее всего, покинул площадь и затерялся где-то на узких улочках Венеции.

Дронго посмотрел на Маурицио. У офицера дрожали губы, он все еще не мог прийти в себя. Прямо рядом с ним убили его коллегу, поэтому он считал себя отчасти виновным в случившемся. Растерявшийся Даббс глядел на неподвижное тело, лежащее перед ними, и не знал, что сказать.

Офицер Луиза Фелачи погибла, несмотря на присутствие двух сотен полицейских, оцепивших площадь Святого Марка. Для сотрудника ФБР Даббса это было достаточно сильным потрясением. Маурицио, стоя над телом, тихо заплакал. Все были в полном отчаянии.

И тут они услышали за своей спиной голос:

– Вы ждали именно такого результата?

Дронго даже не повернул головы. Он знал, что за его спиной стоит живая Луиза Фелачи.

Глава 4

В этом и состоял его план. Он боялся потерять женщину, боялся рисковать ее жизнью, понимая, что для преступника встреча на площади перед собором – всего лишь игра, в которой он предусмотрел все ходы. Поэтому Дронго не мог допустить, чтобы Луиза Фелачи пошла на эту встречу. И тогда, во Флоренции, он предложил отправить на встречу с убийцей переодетого в женщину молодого человека, готового оказать насильнику достойное сопротивление. Если бы Дронго высказал такую идею в Америке, на него подали бы в суд за дискриминацию женщин. Согласно американским законам женщины имеют право на равный труд, равную оплату, равный риск и равную смерть от руки убийцы. Дошедший в своих пределах до идиотизма феминизм запрещает мужчинам даже долго смотреть на понравившуюся им женщину, шутить с коллегами женского пола, рассказывать анекдоты или не выпускать представительниц слабого пола на тяжелые работы. Женщины так истово добивались равноправия, что постепенно оно переродилось в клоунаду с участием обоих полов.

В Америке офицер полиции – прежде всего сотрудник правоохранительных органов, а уж затем женщина. В Европе, где тоже законодательством гарантированы равные права, отношение к женщине все-таки иное. И если в северных европейских странах на предложение Дронго могли взглянуть с удивлением, то в Италии его хорошо поняли. К тому же комиссар Террачини не хотел рисковать своей лучшей сотрудницей. Поэтому он легко согласился на план Дронго, заменив Луизу Фелачи молодым человеком, который только еще учился в школе полиции. Именно его тело теперь лежало на площади. Двадцатилетний мальчик, мечтавший стать полицейским и так весело согласившийся заменить Луизу, стал новой жертвой маньяка. В этом никто не был виноват, кроме самого убийцы. Но Дронго казалось, что все работники полиции смотрят теперь на него с укором, осуждая за смерть молодого человека.

Он наклонился к погибшему еще раз. Сомнений не оставалось: несчастный был мертв и ему уже невозможно было помочь. Только на таком близком расстоянии было заметно, что молодой человек не совсем та самая женщина, фотографии которой так охотно печатались в журналах несколько дней назад. Дронго поднял голову. На него смотрела Луиза. Ее глаза были полны слез, она понимала, что молодой человек умер из-за нее.

– Ты ждал этого результата? – жестко повторила она.

Можно было не отвечать, просто промолчать или вообще уйти. В таких случаях лучше ничего не говорить, ибо любой ответ вызывает однозначно гневную реакцию. Но Дронго поднялся и нашел в себе силы ответить:

– Мы не смогли все рассчитать. Он продумал всю операцию с точностью до секунды.

– А вы? – Она не просто расстроилась. Луиза была в смятении и ярости одновременно. С одной стороны, труп несчастного мальчика, который был моложе ее на целую вечность, а с другой – Дронго, сумевший настоять на своем плане замены, подставив несчастного под удар убийцы.

– Ищите, – не мог успокоиться Модзони, – оцепите весь город. Оставьте посты у мостов. Пусть проверяют всех туристов, прибывших в город. Никого не выпускайте с площади. Остановить все гондолы, все лодки, все катера.

Он кричал, отдавая указания, и запоздало понимал, что убийца уже давно исчез с этой площади, как понимал и то, что два рванувшихся в разные стороны молодых человека были всего лишь отвлекающим маневром для его офицеров, чтобы сбить их с толку и дать возможность преступнику уйти незамеченным.

Дронго посмотрел Луизе в глаза.

– Мне говорили, – произнесла она, задыхаясь, – мне рассказывали, что у тебя была напарница, которая погибла из-за тебя. А теперь ты решил спасти меня столь недостойным спосо-

бом. У этого мальчика не было опыта. Его должны были предупредить, чтобы он не подходил к чужим людям ближе чем на несколько метров. Вы обязаны были его проинструктировать.

– Мы все ему сказали, – пояснил Дронго, – и рядом с ним был Маурицио...

– Которого вы тоже подставили! – крикнула Луиза, не слушая его объяснений.

Даббс попытался вступить за Дронго.

– Что вы себе позволяете, офицер Фелачи? – строго спросил он. – Неужели вы не понимаете, что мистер Дронго всего лишь хотел спасти вас...

– Помолчите, – попросил Дронго. Он не нуждался в защитниках. К тому же очень опасался, что Даббс не успокоится. Так и произошло.

– И насчет напарницы вы не правы, – продолжил тот, – она погибла, защищая его, а не потому, что он ее подставил. Скорее наоборот, все пытались подставить его, а она защитила...

– Не надо, – еще раз попросил Дронго, взяв Вирджила Даббса за руку. Он знал, чем закончит свою речь сотрудник ФБР. Чувствовал, как прозвучит его последняя фраза, и не хотел, чтобы эти слова были произнесены тут, рядом с убитым...

– И она погибла, – выдернул свою руку Даббс, – погибла, чтобы спасти Дронго. Она его любила и была...

– Все, – прервал его Дронго, – это не имеет отношения к сегодняшнему убийству. Мы все виноваты. Погиб молодой курсант, а мы не смогли его защитить. Я лично в этом виноват, и мне нет никаких оправданий. Нужно посмотреть на камерах, кто к нему подходил. Нужно внимательно все проверить.

Он намеренно говорил, обращаясь к Даббсу, чтобы не видеть Луизы. Она слышала все, что сказал Даббс, хотя не отрываясь смотрела на Дронго. Затем повернулась и ушла, не сказав больше ни слова...

– Характер, – покачал головой Даббс, – вместо того, чтобы поблагодарить... Сейчас лежала бы здесь, и никто не мог бы ее спасти.

– Он все рассчитал, чтобы убить ее на наших глазах. У этого мерзавца был идеальный расчет, – выдохнул Дронго.

Он и Даббс, поднявшись по лестнице, вернулись в штаб. В комнате находились все три комиссара полиции: Модзони и его гости – Террачини и Брюлей. Все трое допрашивали молодого человека, пытаясь понять синхронность действий обоих беглецов. По приказу Модзони все улочки и мосты, прилегающие к площади, были перекрыты. Проверяли всех пешеходов, не делая исключений ни для кого: ни для женщин, ни для мужчин. Останавливали даже подростков, даже священников и монахов. Четверых задержали. Но похожего на убийцу среди них не оказалось.

Дронго вошел в комнату и, усевшись в углу, стал мрачно наблюдать за работой Модзони и Террачини. Даббс подсел к ним, его также интересовала личность парня, убежавшего с места происшествия. А вот Брюлей, напротив, не проявив к нему никакого интереса, подошел к Дронго и, сев рядом с ним, достал трубку. Они молчали, не глядя друг на друга.

– Это моя ошибка, – произнес наконец Дронго, когда Брюлей раскурил трубку.

– Нет, – возразил тот, – это наша общая ошибка. Мы согласились с твоим планом и приняли решение все вместе. Никто не мог даже предположить, что он способен на такой риск. Никто не мог об этом даже подумать... В таких случаях преступники предпочитают вообще не появляться в городе, на его месте девяносто девять из ста убийц вообще уехали бы из страны...

– Но он остался, – напомнил Дронго, невежливо перебив комиссара.

– Остался, – кивнул Дезире Брюлей, понимая состояние своего молодого коллеги. – А значит, умеет все рассчитывать лучше нас. Тебе так не кажется?

Дронго повернул голову и посмотрел на невозмутимого Брюлея. Затем снова отвернулся и произнес сквозь сжатые зубы:

– Я его найду. Найду и убью.

– Только не так громко, – попросил Брюлей. – Нас могут услышать наши итальянские коллеги. Им может не понравиться твое решение.

– Вы шутите? – Дронго снова посмотрел на комиссара.

– А что мне делать, если ты сходишь с ума? Лучше успокойся и подумай, почему он так рискует? Почему позвонил тебе в Риме, почему послал нам сообщение из Севильи, почему приехал в Венецию? Тебе не кажется, что он страдает легкой формой шизофрении?

– Если бы только легкой. Вы же видели, что он делает с женщинами. Или думаете, их опять двое? У него есть еще сообщники?

– Их не так легко найти, – проговорил опытный комиссар, – не каждый пойдет в напарники к такому убийце. Для этого нужны крепкие нервы и желание смотреть.

– Вы полагаете, этот не сообщник? – Дронго кивнул на молодого человека, сидящего перед Модзони.

– Ты тоже так думаешь, – заметил Брюлей, – иначе захотел бы с ним поговорить. А тебе неинтересно, ты заранее знаешь, что он расскажет. Этого парня наняли, чтобы он разыграл перед нами свой трюк. И второго – тоже. Просто мы не были готовы к тому, что у нашего убийцы могут оказаться помощники. Он сыграл на этом и сумел нас обойти...

Пока Дронго и его собеседник вполголоса разговаривали, Модзони и Террачини продолжали допрашивать молодого человека. Французский студент Гийом Леру приехал в Венецию из Лиона, где учился на модельера. С первых слов стало ясно, что несчастный даже не догадывался, для какой цели его наняли. И не подозревал о существовании второго беглеца. Сегодня утром к нему подошел неизвестный мужчина средних лет и попросил помочь ему разыграть его друзей, заплатив за это сто евро. При этом объяснил, что бежать нужно в тот момент, когда одна из женщин на площади начнет имитировать падение. Так и сказал, что она притворится, будто падает, и все это для розыгрыша. Поэтому он так легко и согласился. Не мог даже предположить, что следом за ним побежит кто-то другой. У Гийома Леру тряслись губы, пока он это рассказывал.

– Все ясно, – недовольно подвел итог Модзони, глянув на Террачини. – Второй скажет то же самое.

– Нужно допросить обоих и сличить их показания. И постараться сделать фоторобот убийцы. И нужно узнать, где именно студенты встретились с этим типом. Пусть подробно его опишут... – Террачини все никак не мог успокоиться. Потом неожиданно резко махнул рукой. – Все ни к чему, – в сердцах произнес он. – Этот негодяй наверняка был загримирован. И встречался с ними в разных местах.

– Мы с ними поработаем, – уверенно пообещал Модзони. – Может, что-нибудь сумеем из них выжать.

Террачини поднялся, подошел к Дронго и Брюлею.

– Не хотите слушать? – с вызовом спросил он. – Понимаете, что мы снова в дураках?

– Не стоит так говорить, – попытался успокоить его Брюлей, – никто не думал...

– Я обязан был думать! – закричал Террачини. – Я обязан был понять, что перед нами не обычный убийца. Этот маньяк получает удовольствие от своих продуманных убийств, этот сумасшедший играет в свои игры... – Он с заметным усилием взял себя в руки, немного успокоился, затем пробормотал: – Извините, кажется, у меня сдают нервы.

Даббс, оглянувшись на него, обратился к задержанному:

– Мистер Леру, вы понимаете английский язык?

– Немного понимаю, – ответил студент.

– Предположим, что я хочу вам поверить. Предположим, я вам верю, вы ведь не могли знать, что мы ищем серийного убийцу. Но вы учитесь на модельера. Это ваша профессия. И учитесь вы неплохо, если смогли в марте приехать в Венецию. В силу вашей будущей профессии вы обязаны были обратить внимание на одежду и манеры подошедшего к вам с таким

странным предложением мужчины. На характерные детали, которые могли быть только у него. Вы меня понимаете?

Дронго привстал. Молодец, Даббс, все-таки американские специалисты не зря получают свою зарплату. Конечно, нужно обратить внимание на будущую профессию парня. Брюлей и Террачини тоже насторожились, ожидая, что ответит Леру.

– Он был одет... – начал вспоминать тот, – в тонкие шерстяные брюки очень хорошего качества. Английского покроя... Ботинки – «Кларкс». Да, это был «Кларкс». И теплую куртку. Я не уверен, но думаю, что это была новая линия Барбериса. Шарф от Ланвина, такие носят большинство состоятельных мужчин в Южной Франции. Но по-английски он говорил очень хорошо. Хотя я думаю, что он знает и французский, и итальянский языки.

– Почему? – спросил Даббс.

– Мимо проходили французы, они что-то сказали, и он, прислушавшись, улыбнулся.

– А лицо? Какое у него лицо?

– Он был в темных очках. Не снимал их во время беседы. Я еще подумал, что у него проблемы со зрением. Носить в начале марта очки от солнца... И темная кепка. Да, я обратил внимание на кепку. Она была новой, купленной совсем недавно. И явно не к месту. Точно. Кепка и шарф не очень гармонировали с его видом. Шарф был вызывающе модным, цветным, с характерным рисунком Ланвина, такой в серую клеточку. А кепка придавала ему несколько простоватый вид.

Дронго подошел ближе, вслушиваясь в объяснения Леру.

– У него было чисто выбритое лицо?

– Да. И хороший парфюм. Я думаю, это английский парфюм, из тех, которые делают на заказ и продают в эксклюзивных бутиках. Или в фирменных магазинах.

– Вы смогли бы идентифицировать запах? – вступил в разговор Дронго.

– Не знаю, – честно признался Леру. – Вот ваш парфюм я сразу вычислил. Это «Фаренгейт», правильно?

– Да, – кивнул Дронго, – поэтому я и спросил. Вы должны чувствовать разницу.

– Возможно, – согласился Леру.

– Что еще вы можете о нем сказать? – задал вопрос Даббс.

– Ну ему чуть больше сорока. Он уверенно держится, одевается элегантно, но немного консервативно. А кепка и очки, мне кажется, были для камуфляжа. Они не совпадали с его общим стилем. И знаете, по-моему, он стоял в толпе рядом со мной, когда я бросился бежать, увидев, что молодая женщина падает. Для меня это был сигнал, мы ведь так договаривались. Он же говорил, что она тоже принимает участие в розыгрыше...

Даббс испытующе посмотрел на Дронго. Тот кивнул. Они понимали друг друга без слов.

– Он допустил ошибку, – громко произнес Дронго, поворачиваясь к Террачини и Брюлею. – Спасибо, Даббс, вы обратили внимание на самый важный факт. Убийца учел все, кроме одного момента. Не поинтересовался, чем занимается Гийом Леру, а потому не знал, что перед ним будущий модельер, который учится обращать внимание на одежду, умение человека держаться, на его парфюм.

– Что это нам дает? – не понял Террачини. – Или вы считаете, что, узнав покроем его брюк, мы сможем его вычислить?

– Подождите, – Брюлей схватил итальянского комиссара за руку, – пусть Даббс и Дронго закончат разговор с Леру.

– Кто он? – спросил Даббс. – Оценив его костюм, его манеру держаться, разговаривать, его парфюм, как вы думаете, кто он?

– Англичанин, – не задумываясь, уверенно ответил студент. – Конечно, англичанин. Но, возможно, долгое время живет в Европе. В Южной Европе, – уточнил он.

– Этот мужчина – состоятельный человек? – вмешался Брюлей.

– Да, безусловно. Я видел его часы, его ухоженные руки.

– И какие у него часы? – быстро поинтересовался Даббс.

– Очень престижная и редкая марка от Улисса Нардина. Он взмахнул рукой, показывая направление, куда мне следует бежать, и я обратил внимание на его часы. Модель «Лодовико». С вечным календарем. Смешно, что он вечный, словно его обладатель собирается вечно жить. Очень красивые и редкие часы. Из розового золота. Темный циферблат, сапфировое стекло. Ремешок из крокодиловой кожи, раскладывающаяся застежка. Очень элегантные часы.

– Сколько они могут стоить? – полюбопытствовал практичный Даббс.

– Не меньше сорока тысяч долларов. Вообще, часы от Улисса Нардина – это уже классика.

Эта фирма была основана еще в тысяча восемьсот сорок шестом году...

– Потом расскажете нам их историю, – прервал его Дронго. – Сколько таких часов может быть в мире?

– Думаю, немного. Несколько сот экземпляров, не больше.

Все переглянулись. Модзони бросился к рации.

– Внимание всем постам, – громко произнес он. – Обратите особое внимание на мужчину средних лет, одетого в теплую куртку фирмы «Барберис» и серые брюки. На ногах ботинки «Кларкс». У него может быть шарф или кепка. Темные очки. Любого, похожего на этого типа, сразу же останавливайте. Безо всяких исключений. И еще, самое важное. У него должны быть часы из розового золота с темным циферблатом.

– Где произошла ваша встреча? – уточнил Дронго.

– В той стороне, где находятся все бутики, – сказал Леру, – там еще рядом отель «Сатурина». Разговаривая, мы с ним прошли по мосту. А потом остановились у церкви Сан-Моизе. Оттуда я пошел на площадь, где должен был встретиться с моим знакомым.

– Деньги, которые он вам дал, у вас? – спросил Модзони.

– Да, – полез в карман Леру.

– Осторожнее, – крикнул Модзони, – там могут быть отпечатки пальцев.

– Нет, – ответил Леру, доставая банкноту. – Он протянул мне деньги, завернутые в бумагу. Должно быть, заготовил заранее. А когда я развернул бумагу, он забрал ее обратно. На купюре могут быть только мои отпечатки.

– Вам не показалось это подозрительным? – поинтересовался Даббс.

– Нет. Я думал, что это часть розыгрыша и он заранее приготовил деньги. – Леру положил на стол зеленую купюру в сто евро и спросил: – А мне потом ее вернуть?

Дронго улыбнулся. Похоже, убийца – тонкий психолог, умеет вычислять из толпы не очень богатых студентов.

– На вашем месте я проверил бы отель, – неожиданно предложил Леру. – Может, он там жил.

Модзони снова включил рацию.

– Проверьте отель «Сатурина». Перепишите всех гостей, – приказал он.

«Слишком просто», – подумал Дронго, но не стал возражать.

– Нужно допросить второго, – предложил Даббс, – а потом сравнить их показания.

– Он внизу, – согласился Модзони, – сейчас его приведут. Боюсь, наши гондольеры слишком сильно его побили. Воров и убийц не любят нигде, в том числе и у нас, в Венеции.

Глава 5

Второй беглец оказался итальянским студентом из Неаполя, приехавшим в Венецию навестить сестру. С ним неизвестный мужчина разговаривал на итальянском языке, причем с заметным акцентом. Маттео Бонисенся согласился на предложение иностранца разыграть его друзей. Какой итальянец, а тем более южанин, откажется принять участие в розыгрыше? Маттео даже не задумался, зачем ему это нужно. И когда какой-то молодой человек побежал в одну сторону, он, выждав пять секунд, как было условлено с иностранцем, рванул в другую сторону. Даже когда его пытались остановить офицеры полиции, он все еще считал это частью розыгрыша. Лишь когда его начали избивать гондольеры, понял, что шутка зашла слишком далеко, и заорал изо всех сил. Сейчас, сидя перед Модзони и Террачини, он громко отвечал на вопросы, бурно жестикулировал и пытался понять, во что же он влип.

Одежду иностранца он не запомнил, но кепку и темные очки вспомнил. И еще усы, которых не видел Гийом Леру.

Обоих молодых людей повезли в комиссариат, чтобы составить фоторобот убийцы, а Модзони начал импровизированное совещание. К тому времени задержали более десяти человек, и комиссару пришлось звонить городскому прокурору, чтобы получить разрешение на дальнейшую работу. Офицеры полиции, прибывшие сотрудники ФБР и Интерпола приступили к допросу задержанных. Четверо из них вызывали наибольший интерес: двое англичан, один француз и один датчанин.

Модзони предупредил своих офицеров, что проверки будут продолжаться до завтрашнего утра. И каждый допрос подозреваемых будет перепроверяться другими офицерами. На часах было уже около семи вечера, когда комиссар закончил совещание и попросил привезти еду из соседнего кафе. Многие заказали пиццу, Дронго попросил принести ему лазанью. Каждый платил за себя сам. Здесь не было принято угощение за казенный счет.

Ужин проходил в полной тишине. Пятеро мужчин неторопливо поглощали пищу, словно договорившись не нарушать молчания. Модзони и Террачини ели пиццу. Даббс, после некоторого колебания, заказал себе обычный гамбургер, а Брюлей махнул рукой, когда его спрашивали о еде, поэтому ему также принесли пиццу, к которой он почти не притронулся. Дронго рассеянно ковырял вилкой свою лазанью.

Когда раздался телефонный звонок, никто даже не шевельнулся. На второй звонок Модзони встрепенулся, на третий тяжело поднялся и, подойдя к аппарату, взял трубку.

– Это вас, – сказал он, протягивая ее комиссару Брюлею.

Тот схватил трубку, не спросив, кто ему звонит, как будто ждал этого звонка. И спокойно выслушал сообщение позвонившего, лишь однажды что-то переспросив. В заключение разговора заметил, что его собеседник прав. И согласившись с чем-то, разъединился. Затем молча вернулся к столу и сел, ничего не сказав.

– Кто вам звонил? – не выдержал Террачини. – Что опять случилось?

– Это Доул из Лондона, – пояснил Брюлей. – Он уже знает о случившемся в Венеции. Считает, что убийцу нужно искать в Лондоне. Он уверен, что напарник Хопкинса из местных жителей. Ему удалось найти водителя такси, который подвозил Хопкинса до станции Паддингтон, где он должен был встретиться со своим другом. Хопкинс так и сказал: «Со своим другом». Водитель такси уточнил, с какой стороны станции подъехать, где именно будут ждать Хопкинса. Местные жители хорошо знают, что есть две станции метро «Паддингтон» и железнодорожная станция, куда прибывают экспрессы из аэропорта Хитроу. Поэтому водитель и спросил, известно ли другу Хопкинса об этой особенности. И тот ответил, что, конечно, он знает.

– Мы тоже знаем, что он англичанин, – вмешался недовольный Террачини.

– Но с таким же успехом он может быть валлийцем, шотландцем, ирландцем, – возразил Брюлей, – или даже приедем индусом. Любим, кто живет в Соединенном Королевстве. Одевается как англичанин и имеет такие же привычки.

– Вы же сами говорили... – попытался возразить изумленный Террачини.

– Мы пока предполагали, но Доул находит каждый раз новые факты. Я бы на вашем месте его как минимум поблагодарил.

Наступило неловкое молчание.

– Я сегодня сам не свой, – признался Террачини, усаживаясь на место, – но у нас пока ничего нет. Я же не могу переехать в Англию и искать среди пятидесяти миллионов этого убийцу.

– Не нужно в Англию, – оторвался от лзаньи Дронго. – Я думаю, у нас достаточно фактов, чтобы вычислить этого «потрошителя».

– И вы можете назвать нам его имя? – насмешливо произнес Модзони. – Или объяснить, как он мог исчезнуть из Венеции, где не ходят поезда и автомобили? Может, он святой дух, заранее прошу прощения, если вы верующий человек. Как он исчез? Вознесся на небо? Не получается, потому что там дежурили вертолеты. Прыгнул в воду? Тоже не выходит. Даже если у него был акваланг или водолазный костюм. Среди домов Венеции не рискнет проплыть ни один местный житель, только опытные лоцманы проводят суда по необозначенному пути. Тут повсюду сгнившие бревна, остатки старых зданий. Наши такси добираются до аэропорта по четко проложенному пути. Кроме того, повсюду дежурили водолазы и гондольеры, он не рискнул бы попытаться сбежать по воде. Тогда как он исчез? Если мы не найдем его среди задержанных, значит, мне остается поверить в дьявола. А я человек неверующий и не хочу менять своих убеждений.

– Сегодня на площади он убил курсанта, – напомнил Даббс, – значит, он существует.

– Вот-вот, – поощрил его Модзони, – самые большие в мире атеисты и безбожники – это американцы. Хотя на словах они все верующие. Вы тоже не верите в его исчезновение, мистер Даббс?

– Не верю, – ответил Вирджил, – он сумел все продумать и уйти у нас из-под носа, перехитрив всех. Но он человек, а значит, должен ошибаться.

– Вы видели, что он делает с женщинами? – спросил Модзони. – А если видели, не смейте утверждать, что он человек. В нем нет ничего человеческого. Это зверь, по недоразумению попавший в человеческое тело.

– Мне хотелось бы вам возразить, – вмешался Дронго. – Мне кажется, у этого типа обычные слабости: тщеславие, грех гордыни, неуверенность, мелкие ошибки. Ему свойственны все человеческие пороки. Он хочет, чтобы о нем знали. Нашел себе напарника, чтобы иметь зрителя. Передает о своих передвижениях сообщения в Интерпол. Звонил мне в отель. Устроил почти цирковой номер во Флоренции, не опасаясь сотен офицеров полиции, поджидающих его в засаде. И наконец, прибыл в Венецию, точно зная, что здесь его ждут. Правда, совершил небольшую ошибку, выбрав среди тысяч туристов будущего модельера, который обратил внимание на его одежду и, разумеется, на его часы. Такая редкая и дорогая марка часов. Я думаю, будет правильно, если ваш представитель уже завтра утром вылетит в Швейцарию на поиски обладателей таких редких часов.

– Я пошлю сотрудника в Швейцарию, – пообещал Террачини, – это теперь мое личное расследование. Не забывайте, что он сегодня на площади убил нашего курсанта.

– Тогда и мое, – вмешался Дронго. – Это я подставил вашего молодого человека. Мне казалось, что нельзя выпускать против этого хищника женщину. И не потому, что я сомневался в способностях Луизы Фелачи или относился к ней лучше, чем к другим. – Он заметил изменившееся выражение лиц Террачини и Даббса и быстро проговорил: – Да, я относился к ней с особой симпатией. И именно поэтому не хотел, чтобы ее убили. Но я также не хотел,

чтобы убили кого-нибудь другого. Просто выставлять женщину против убийцы женщин было неправильно. Его ведь не волнуют мужчины, а только женщины.

– Мы с тобой согласились и все одинаково виноваты в случившемся, – примирительно заявил Брюлей. – Никто не думал, что он наймет себе сразу двоих помощников. Мы не были готовы к такому шагу убийцы...

– Картина уже ясна, – заявил Модзони. – Он договорился с двумя студентами, причем в первом случае был без усов, а во втором – наклеил их. И все верно рассчитал. Когда он ударил курсанта и наступило общее замешательство, сначала в одну сторону побежал Гийом Леру, а затем, через несколько секунд, в другую сторону рванул Маттео Бонисенся. Удивляюсь, что он не нанял десять или двенадцать человек, пояснив каждому, что это тонкий венецианский розыгрыш. При склонности к шуткам и розыгрышам наших молодых людей убийца мог проделать такой трюк с любым количеством помощников. А за несколько секунд до того, как побежал Леру, подошел с группой туристов к нашим офицерам и ударил какой-то тонкой заточкой с ядом курсанта, изображавшего Луизу Фелачи. Возможно, это был скальпель или игла. После чего быстро покинул площадь. Наши офицеры просмотрели пленку и сумели найти в толпе туристов похожего человека, одетого в куртку и с кепкой на голове. Шарфа на нем не было. Мы покажем вам пленку, вы тоже сможете его увидеть. Во всяком случае, теперь у нас будет его точный рост и остальные физические параметры. Леру утверждает, что видел этого человека рядом с собой. Нет ответа на единственный вопрос – куда он мог исчезнуть? Почему мы его нигде не смогли найти? Он не мог сбежать, не мог еще раз переодеться. Это исключено.

– Нужно искать самое простое объяснение, – вдруг произнес Дронго. – По закону Оккама: «Не умножай сущее без необходимости». А если предположить самое невероятное? Может, он и не пытался сбежать из города? Может, у него здесь есть дом? И именно поэтому он назначил здесь встречу?

Модзони переглянулся с Террачини.

– Вы знаете, как дорого стоит купить квартиру или дом в Венеции? – поинтересовался Модзони.

– А вы вспомните про его часы, – посоветовал Дронго. – Если у него есть возможность покупать часы за сорок тысяч евро, значит, у него есть необходимые средства и для покупки небольшой недвижимости в Венеции. Такой вариант необходимо рассмотреть. Ведь назначая свидание в Венеции, он наверняка продумал, как ему скрыться. Мы ищем его по всему городу, а он спит себе в своей квартире, где-нибудь рядом с нами. И будет отсыпаться там еще несколько дней, пока вы не снимете ваши посты.

Модзони опять взглянул на Террачини и, не закончив есть, поспешил к телефону отдать новое указание проверить все квартиры в радиусе нескольких километров от площади Святого Марка. И при этом особое внимание обратить на квартиры, купленные иностранцами.

Поздно ночью они снова вышли на площадь. Повсюду горели фонари. Ранней весной в городе еще было очень холодно, особенно по ночам. Полицейские по-прежнему проверяли всех проходивших. Посты карабинеров стояли вокруг собора Святого Марка. Но туристов почти не было видно. Впрочем, по ночам в Венеции всегда мало туристов. Многие предпочитают приезжать сюда только на день, полагая, что ночевать можно и в другом месте, где цены значительно ниже.

Дронго задумчиво огляделся. Светила полная луна. Еще сегодня днем убийца был где-то здесь, рядом, стоял на этой площади. Дронго закрыл глаза. Куда он мог исчезнуть? Затеялся в толпе туристов? Нет. Ни один катер, ни одна лодка не отошла от причала после убийства непроверенными. Что же он сделал? Конечно, у него был вариант отхода, иначе он здесь не появился бы. Запасная квартира? Возможно. Снял номер в отеле? Маловероятно. Как бы он ни гримировался, в отеле могли остаться его отпечатки пальцев, даже если он воспользовался чужими документами. Чужими документами? Этот убийца вполне способен использо-

вать чужой паспорт. Только в этом случае он мог рискнуть отправиться в Бостон за заказанным пистолетом и затем из него выстрелить. Или это был всего лишь непродуманный шаг? Вынужденный выстрел в ответ на истерику Хопкинса, не привыкшего еще к такому жуткому зрелищу? Больше он ни разу не использовал это антикварное оружие. Значит, понимал, что оно может его выдать.

Куда же он мог деться? Какой хитрый план придумал? Дронго глянул на опускающиеся жалюзи ювелирного магазина. Оттуда вышел старик, приветливо кивнул проходившей мимо молодой женщине. Она ответила ему, назвав его по имени. Здесь все знают друг друга. Нужно проверить купленные и арендованные квартиры. Это может вывести на след. Но работа предстоит кропотливая, на такие поиски уйдет несколько дней.

В ночной тишине их шаги раздавались особенно громко. Двое офицеров полиции тактично держались от них чуть в стороне.

– У нас в управлении мы сможем посмотреть пленку, – сообщил Модзони.

Ему никто не ответил. Все чувствовали себя проигравшими. Словно их не просто переиграли, а еще и обманули, достав в решающий момент козырного туза, спрятанного в рукаве. Проигрыш не бывает столь омерзителен, когда не чувствуешь, что тебя обманули. С проигрышем можно смириться, когда игра идет по правилам. В таком случае чувствуешь себя лишь обделенным судьбой, на которую глупо жаловаться. Но когда проигрываешь в результате нечестной игры партнера, то осознаешь себя не просто неудачником, а дураком, которого обманули. Примерно вот такое чувство и было у всех пятерых мужчин, когда они медленно шли по площади Святого Марка.

Дронго вспоминал растерзанных девушек, лицо убитого сегодня на площади Святого Марка курсанта, распятую на дверях во Флоренции женщину.

– Я его найду, я обязательно его найду, – заявил Дронго, и это прозвучало как клятва, которую он сам себе дал. Перед собором Дронго остановился. Остальные свернули направо, направляясь к причалу, где их ждал катер. Он посмотрел на величественное здание собора, выстроенное в византийском стиле, и громко спросил: – Почему? Почему нужно создавать и терпеть подобных типов? В чем твой замысел?

Ответом ему было молчание. Слышались лишь шаги редких прохожих и карабинеров, дежуривших на площади. Дронго повернулся и пошел к катеру. Когда он догнал остальных, Брюлей взглянул на него и неодобрительно покачал головой.

– Ты думаешь, он знает ответы на все вопросы? – спросил комиссар. Дронго удивленно взглянул на него. – Когда я был молодым, – тихо продолжил Брюлей так, чтобы никто его не услышал, – я тоже задавал похожие вопросы. Для чего богу нужны такие типы? Или если его нет, то почему цивилизация порождает подобных зверей? И не находил на них ответа. Может, с точки зрения развития человечества такие хищники нужны, чтобы улучшать популяцию людей, как это бывает в природе? Но тогда необходимо признать, что все погибшие были обречены, а с этим я не мог согласиться.

Дронго протянул ему руку, помогая пройти на катер. И прыгнул следом.

– И к какому же выводу вы пришли? – поинтересовался он, когда все расселись.

– Тогда я понял, что это и есть моя работа, – спокойно ответил Дезире Брюлей. – Если появляются такие хищники, готовые убивать, то должны быть и охотники, чтобы их истреблять. В этом мире все взаимосвязано. И с точки зрения природы, и с точки зрения бога. Значит, у каждого своя функция. Поняв такой закон, я несколько успокоился. Моя задача на много лет вперед была определена. Я должен противостоять этим мерзавцам, отправляя их в тюрьму. И ничего личного.

– Получилось? – усмехнулся Дронго. Катер начал медленно поворачивать в противоположную от причала сторону.

– Нет, – отозвался Брюлей, – иногда я срывался. Редко, но срывался. И потом часто об этом сожалел...

Дронго промолчал, глядя на причудливые купола собора Святого Марка.

Глава 6

На пленке, которую они внимательно просмотрели несколько раз, было видно, как неизвестный мужчина подошел почти вплотную к Маурицио и его напарнику, а затем быстро отошел. Попытались укрупнить эти кадры, чтобы рассмотреть лицо незнакомца, но тот был в кепке, темных очках и умело уворачивался от наблюдавших за ним с двух сторон камер. Кепка и очки сильно мешали. К тому же выяснилось, что он снова наклеил усы – это кардинально меняло его облик. Было решено задействовать художников и специалистов по компьютерной графике, чтобы «стереть» ему усы, кепку и очки, попытаться понять, как он может выглядеть без них.

Оба студента подтвердили, что это тот самый человек, который предложил им поучаствовать в розыгрыше. Камера зафиксировала его мягкую пластику, вкрадчивые движения, походку и... быстрое исчезновение с площади. Он пошел в сторону собора, прячась в тени, и свернул к аркадам вокруг площади. Затем камера потеряла его из виду.

– Мы пригласили психологов прокомментировать эту пленку, – сообщил Модзони. – Специалисты вылетели из Болоньи и скоро будут здесь.

Дронго внимательно следил за убийцей на экране. На вид ему лет сорок – сорок пять. Чуть выше среднего роста. Выражение лица непонятно. Но он чувствовал себя достаточно спокойно, поскольку не торопился уйти с площади, когда Леру уже побежал. Даже не обернулся в его сторону.

– Среди задержанных этого человека нет, – мрачно прокомментировал Модзони. – И никого похожего. На часы мы тоже обращаем внимание.

Вошел офицер и о чем-то негромко доложил Модзони. Тот кивнул и разрешил офицеру выйти.

– Нашли второй аппарат из купленных Хопкинсом, по которому убийца разговаривал со своим сообщником, – сообщил комиссар.

– Где нашли, как? – повернулся к нему Террачини.

– Он выбросил его в воду, – ответил Модзони. – У телефонных компаний есть специальная технология, по которой они могут найти любой, даже отключенный телефон. Мы начали проверку еще сегодня утром, когда стало известно, что аппарат в Венеции. И вот нашли его. Знаете где? Под мостом Вздохов. Очевидно, он решил так с нами пошутить.

– Будь он проклят, – выдавил сквозь зубы Террачини. – Никогда в жизни еще не встречал таких убийц. У него извращенное сознание негодяя.

Он не успел договорить, когда в комнату вошли двое неизвестных. Мужчина лет шестидесяти, одетый в серый костюм со строгим темно-серым галстуком в полоску, и женщина лет сорока пяти в темно-синем брючном костюме.

Модзони поднялся. За ним и все остальные.

– Позвольте представить вам наших гостей, – церемонно произнес комиссар. – Это профессор Энрико Мансини из Болоньи и профессор Ада Хайнман из Берна. Спасибо, господа, что вы так быстро откликнулись на нашу просьбу. Вы уже знаете суть нашей проблемы?

Рукопожатие женщины оказалось более твердым, чем у мужчины. После процедуры знакомства все вновь расселись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.